

ДВЕ ШИПКИ

(К 75-летию освобождения Болгарии русской армией)

П. К. Фортунатов

Плевна и Шипка живо напоминают нам о развернувшихся здесь 75 лет тому назад боевых событиях, в значительной степени решивших исход русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В тяжёлых боях за Плевну и Шипку русские войска сражались с турками не одни, а в союзе с болгарскими ополченцами и румынскими солдатами. В этой упорной борьбе ярко проявилось боевое содружество русских, болгарских и румынских солдат, борющихся за общее дело — за разгром турецких захватчиков.

Бои за Шипку убедительно показали, как в труднейших условиях, при явном численном превосходстве врага русские и болгарские воины и их командиры не только защитили Северную Болгарию от турецких захватчиков, но и добились решающей победы у Шипка-Шейнова и изгнали войска султана из Южной Болгарии. Большое значение в достижении этих успехов имело понимание героями Шипки тех освободительных целей, за которые они боролись, и той ответственности, которая ложилась на них за судьбу болгарского народа. Боевые события, непосредственно связанные с Шипкинским перевалом, сыграли важную роль в войне 1877—1878 годов. Эта роль была двойной. Сначала, в течение пяти месяцев, Шипка была основным центром обороны русской армии, а затем, на последнем этапе войны, именно отсюда был нанесён турецкой армии решающий удар. Всё это позволяет говорить о двух Шипках: Шипке-обороне и Шипке-наступлении.

Изучение последнего этапа шипкинской эпопеи — форсирования Балкан, закончившегося полным разгромом турок, — имеет ещё одно значение: оно показывает, как реакционное руководство Дунайской армии под давлением создавшейся к концу 1877 г. обстановки вынуждено было начать воевать по планам передовых деятелей русских войск того времени.

Историография войны 1877—1878 гг. чрезвычайно обширна. Достаточно указать, что Военно-исторической комиссией по описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. при Главном штабе за период с 1898 по 1912 г. было издано 122 тома «Сборников материалов» и 9 томов весьма пространного «Описания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове». Многочисленна и публиковавшаяся в журналах и газетах, а также выходившая отдельными изданиями мемуарная литература на эту тему. Основная масса этих книг была написана на русском языке, но немало литературы и на болгарском, немецком, французском, английском и других языках. Однако нужно отметить, что, несмотря на столь большой объём изданий, настоящей научной обработки история данной войны пока ещё не получила.

Перед авторами многотомного «Описания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове» военным министром Ванновским и его преемником Куропаткиным была поставлена задача «составить полное систематическое описание всех событий войны, не вда-

ющееся в несвоевременную критику, но излагающее с полной правдивостью фактическую их сторону».

Эта установка отражала страх правящих классов России перед ростом революционного движения в стране. Они боялись, что выход в свет литературы, в которой может быть дана критика деятельности представителей царского правительства, дискредитирует его в целом в глазах всего народа. Опасаясь «несвоевременности критики», члены Военно-исторической комиссии исказили фактическую сторону войны и почти совершенно отказались от анализа боевых событий. В их работе нет оценки фактов и тщательно замазываются все ошибки, которые были допущены в данной войне правящими кругами России, в особенности членами дома Романовых. Так, например, в «Описании» указывается, что после первой Плевны и неудачного для русских боя при Ески-Загре «на южном, Шипкинском фронте готовились к самой упорной борьбе», что «решено было держаться оборонительно, широко пользуясь средствами фортификации», что «русское начальство, конечно, ожидало наступления турок»¹.

На самом же деле по вине командования Дунайской армии и VIII корпуса никакой сколько-нибудь серьёзной подготовки к обороне Шипки тогда не велось, и автор, как это видно из приведённых цитат, предпочёл в угоду правительству умолчать об этом позорном факте, исказив истинное положение вещей. В другом месте автор вскользь упоминает о тяжёлом положении болгарских дружин на Шипке перед августовскими боями и о неудовлетворительном продовольственном снабжении войск Т-вом Коган и К^о и ни словом не упоминает о самых главных виновниках позорной подготовки дела снабжения Дунайской армии в войне 1877—1878 гг. — главнокомандующем великом князе Николае Николаевиче, начальнике его штаба Непокойчицком и их приближённых, которые за крупные взятки обрекли русские войска на систематическое недоедание и даже голод².

Исследований по истории данной русско-турецкой войны в целом или отдельных периодов её в русской дворянско-буржуазной литературе мало, и особой ценности они не представляют. Мемуарные же материалы об этой войне многочисленны и при правильном критическом подходе к ним могут явиться ценным историческим источником. Особый интерес представляют те мемуары, авторы которых не предназначали их для печати. Среди них в первую очередь можно назвать «Мой дневник 1877—1878 гг.» М. А. Газенкампа³, «Письма из Болгарии 1877 г.» С. П. Боткина, «Дневник» Д. А. Милютина⁴. Авторы этих мемуаров дают более объективную оценку наблюдавшимся ими событий.

Что касается дворянско-буржуазной литературы о войне 1877—1878 гг., выпущенной за рубежом, то часть её, как книга А. Ле Форэ «Histoire de la guerre d'Orient» (Paris. 1878) или вышедшее в начале 90-х годов восьмитомное издание австрийского военного писателя А. Шпрингера «Der russisch-türkische Krieg 1877—1878 in Europa» (Wien. 1891—1893), при освещении войны ограничивается только чисто описательной стороной дела, без какого-либо анализа. Характерно, что тот же Шпрингер при описании боя у Шипка-Шейнова отмечает и применение Скобелевым перебежек в наступательном бою⁵ и проводившуюся этим же генералом поддержку наступления огнём пехоты и артиллерии, но

¹ «Описание русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове». Т. IV, ч. 1-я, стр. 4, 18—19.

² Там же, стр. 67—68.

³ М. А. Газенкампф. Мой дневник 1877—1878 гг. Петербург. 1908

⁴ С. П. Боткин. Письма из Болгарии 1877 г. Петербург. 1893. Д. А. Милютин. Дневник. М. 1951.

⁵ A. Springer. Указ. соч. Т. VII, стр. 245.

абсолютно никакой оценки этим новым тактическим приёмам здесь не даёт.

Другая часть иностранных авторов пытается анализировать боевую деятельность русской и турецкой армий, но делает это не объективно и, по сути дела, искажает события войны 1877—1878 годов. Так, подведя итог весьма подробному описанию августовских боёв за Шипку, французский военный писатель, скрывшийся под псевдонимом «Тактик», прежде всего подчёркивает, что русские и турецкие солдаты проявляли одинаковую храбрость, ни словом не упоминая о глубочайшем различии целей, за которые боролись те и другие. Самый исход боёв за Шипку этот автор пытается целиком отнести за счёт тактических ошибок Сулейман-паши, который, по его мнению, «во-первых, должен был атаковать Шипку немедленно после боя при Ески-Загре, а во-вторых, наступать на Шипкинский перевал не в лоб, а в обход — через Зелено-Древо и Дреново»⁶. Как показано будет ниже, данное дело решалось вовсе не так просто.

Больше всего фальсифицирует историческую действительность английская и немецкая военная литература о войне 1877—1878 гг., отражающая настроения империалистических кругов английской буржуазии и прусского юнкерства. Особенно характерна в этом отношении книга Уолслея, британского военного атташе в Петербурге 70-х годов, «With the Russian peace and War» (London. 1905) и работа ставшего во время первой мировой войны заместителем начальника германского генерального штаба генерала Фрейтаг-Лорингхофена «Das russische Oberkommando in der europäischen Türkei im Kriege 1877—78» (Berlin. 1912). Автор первой книги нагло утверждает, что в русской армии и её деятельности вообще якобы нельзя найти ничего положительного. Уолслей пишет, что он «не разделял всеобщего мнения насчёт благоприятного для России окончания Восточной войны. Все тяжёлые уроки, данные русским Крымской кампанией, не привели ни к чему. Тот же недостаток инициативы, та же неподготовленность, тот же общий хаос, которые ознаменовали начало первой кампании, оказались и при начале турецкой войны»⁷. Этот вывод является грубо тенденциозным: в начале войны 1877—1878 гг. в русских вооружённых силах действительно было много отрицательных моментов, но ставить на одну доску состояние и действия русской армии 1853 и 1877 гг. — значит совершенно исказить действительность.

Что касается Фрейтаг-Лорингхофена и близкой по содержанию к его книге работы немецкого капитана Гинце «Gurko und Suleiman-Pascha» (Berlin. 1880) и книг других представителей немецкого милитаризма, то основная их задача заключалась в том, чтобы показать отсталость русской армии и её военного искусства. Не случайно поэтому Фрейтаг-Лорингхофен в заключительной части своей книги прямо утверждает, что «в данной войне с её непостоянством действий мало поучительного»⁸.

Переходя к обзору болгарской исторической литературы, следует сказать, что в ней мы не найдём широкого и углублённого изучения войны 1877—1878 гг., чему немало способствовала руссофобская деятельность Александра Баттенберга, Фердинанда и Бориса Кобургских. Из книг болгарских авторов выгодно выделяется вышедшая в Софии в 1902 г. работа Р. Димитриева «Боевете и операциите около Шипка в войната 1877—1878 година», в которой довольно объективно и подробно описывается и анализируется ход боевых событий в районе Шипкинского перевала. Особенно интересен в этой работе анализ боевых действий

⁶ Tacticien. La guerre d'Orient en 1877—1878. Paris. 1879. Т. I, p. 671.

⁷ В. Тимирязев. Иностранцы о России. «Исторический вестник» № 11, 1905, стр. 704.

⁸ Freitag-Loringhofen. Указ. соч., стр. 110.

русской и турецкой армий во время августовских боёв и наступления на Шипка-Шейново⁹.

Исторически ценны и воспоминания командира роты болгарского ополчения Кисова, верно подметившего, что уже в начале похода «бросались в глаза сердечное и искреннее отношение русских солдат к ополченцам»¹⁰. Ярко описал Кисов трудности и героизм совместной борьбы русских и болгар за свержение турецкого ига. Остальная болгарская литература по истории войны 1877—1878 гг., к сожалению, не представляет большой ценности.

В советской литературе теме русско-турецкой войны 1877—1878 гг. посвятил статью М. Н. Покровский¹¹. В этой статье М. Н. Покровский допустил ряд серьёзных принципиальных ошибок. Совершенно необдуманно он пытался доказать, что русская армия в 1877 г. якобы очень мало шагнула вперёд по сравнению со временем Крымской кампании. Не учитывал Покровский большой помощи, которую оказывали туркам Англия, США и Германия, тем самым он сбрасывал со счёта один из важнейших факторов русско-турецкой войны. М. Н. Покровский исходил из своей глубоко ошибочной концепции, будто реформы 60-х годов ничего не изменили в России.

Оценивая характер войны, М. Н. Покровский договорился до того, что вопреки историческим фактам заявил о незаинтересованности болгарского населения в успехе борьбы против турок¹². М. Н. Покровский не понимал роли и места национального вопроса в истории народов, игнорировал национально-освободительную борьбу против турецких захватчиков, в корне неправильно освещал роль русского народа — верного друга и защитника болгарского народа.

В частном вопросе об обороне Шипки М. Н. Покровский, по сути дела, повторил точку зрения ряда военных зарубежных писателей. Правда, он согласился с тем, что «стойкость отряда, защищавшего Шипку, спасла судьбу кампании», но конечный успех Шипки он объяснил в первую очередь ошибкой Сулейман-паши, который, «имея полную возможность обойти с фланга позицию слабых русских сил на Шипкинском перевале, вместо этого решил взять её непременно фронтальными атаками, при которых все преимущества местности были на русской стороне»¹³.

Это утверждение полностью совпадает с мнением упоминавшегося выше французского военного писателя «Тактика».

Ошибки М. Н. Покровского в общей оценке характера войны между Россией и Турцией и отдельных её эпизодов очевидны. Однако они до сих пор ещё недостаточно вскрыты в советской исторической литературе, да и вообще приходится, к сожалению, констатировать, что история русско-турецкой войны 1877—1878 гг. всё ещё не получила достаточно широкого освещения в советской литературе, несмотря на актуальность этой темы. Восполнить этот пробел — ближайшая задача наших историков, занимающихся этим периодом.

В настоящей статье ставится цель: проследить один из наиболее важных этапов русско-турецкой войны — борьбу за Шипку, в которой наглядно проявились и великий героизм русских солдат и передовая русская военная мысль. Описывая бои за Плевну и Шипку, историки, в том числе и советские, не отмечают различия в характере военных действий у Плевны и Шипки. Между тем это различие очень отчётливо. Под Плевной в ходе войны преобладало влияние реакционных предста-

⁹ Р. Димитриев. Указ. соч., стр. 55—57; 224—230.

¹⁰ С. И. Кисов. Из боевой и походной жизни 1877—1878 гг. София. 1903, стр. 72.

¹¹ См. сборник «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии». М. Изд. «Красная новь». 1923.

¹² Там же, стр. 274—275.

¹³ Там же, стр. 280.

вителей царской России; на Шипке же с большим успехом показало себя передовое русское военное искусство.

Сохранившиеся документы говорят о том, что ставка главнокомандующего и находившийся при ней Александр II с его придворной свитой, то есть наиболее реакционные элементы военного руководства Дунайской армии, в несравненно большей степени вмешивались в ход боевых действий под Плевной, чем в шипкинские бои, поскольку Плевна территориально была ближе к ставке главнокомандующего, а следовательно, штаб был заинтересован в обеспечении личной безопасности.

В противоположность этому обстановка в районе Шипки, особенно на первом этапе войны, мало интересовала главнокомандующего и императора с их штабным и свитским генералитетом и высшим офицерством. Поэтому-то боевые действия на важнейшем в военном отношении перевале Балканских гор меньше испытывали на себе вредное влияние реакционных элементов русской армии. Для великого князя Николаевича и Александра II Шипка оставалась тогда достаточно отдалённым и второстепенным участком фронта. Вследствие этого на Шипке и войск было меньше и снабжались они хуже. Зато командованию Шипки в результате отдалённости ставки предоставлялось больше инициативы; оно реже получало безграмотные в военном отношении распоряжения.

В результате всего этого именно на Шипке, чаще, чем в других местах, проявлялось передовое военное искусство. Трудность и сложность выполнения боевых задач вместе с высокой ответственностью за судьбы не только Дунайской армии, но и широких масс болгарского народа порождали на Шипке, больше чем где бы то ни было, массовый героизм солдат. Именно здесь особенно наглядно выявилось, какое огромное значение для поднятия боеспособности русских войск имел моральный фактор. Как показано будет ниже, вся окружающая обстановка говорила простым русским воинам о благородных задачах их боевой деятельности, в результате которой были спасены десятки тысяч жизней мирного болгарского населения и надёжно обеспечены тылы русской армии в Придунайской Болгарии.

В войнах с Россией правительство Оттоманской империи, начиная агрессивные военные действия, вынуждено было в дальнейшем переходить от наступления к обороне, так как русская армия по своим боевым качествам была сильнее турецкой. В связи с этим для турецкой армии большое значение имело использование горных хребтов, рек и других естественных рубежей, которые облегчали её оборону.

Русско-турецкие войны времён Екатерины II показали, что Днестр, Прут и Серет не являются сколько-нибудь серьёзной преградой для русских войск. Задерживали тогда русских не реки, а крепости Хотин и Бендеры. Более прочно прикрывал исходную базу агрессивных действий турок широкий Дунай, особенно в связи с тем, что на его берегах была возведена целая цепь турецких крепостей.

Походы Румянцева за Дунай в 1773—1774 гг. и героический штурм Измаила Суворовым в 1790 г. показали туркам необходимость создания новых дополнительных преград.

Значительно более выгодным и важным защитным рубежом являлись горы. Большая часть Балканского хребта уже сама по себе была трудно преодолима, и поэтому внимание турецкого командования сосредоточивалось прежде всего на ликвидации единственного, как ему казалось, уязвимого места — на заграждении прохода между высокой частью этих гор и Чёрным морем. С этой целью ещё в конце XVIII в. был создан известный четырёхугольник крепостей: Рущук и Силестрия — в первой линии обороны, Шумла и Варна — во второй, сыгравшие немалую роль во многих кампаниях, начиная с 1773 года.

В войне 1806—1812 гг. русское командование и не пыталось прорваться к столице Турции через Балканские горы, и только неудачный

штурм Шумлы в июне 1810 г. навёл главнокомандующего Н. М. Каменского на мысль проникнуть маршем от Рушук через Тыриново и Балканские горы в Южную Болгарию. Но выполнение этого плана Н. М. Каменский считал возможным только после очищения от турок всех крепостей в Придунайской Болгарии. Борьба же за эти крепости затянулась до глубокой осени 1810 г., и от похода через Балканы главнокомандующий отказался после того, как стали очевидны трудности освобождения от турок северных предгорий Этропольских Балкан в зимних условиях. Блестящая победа Кутузова под Рушуком исключила необходимость форсирования Балкан в 1811 году.

В войне 1828—1829 гг. турки, глубоко уверенные в том, что русские не будут даже пробовать перебраться через Балканы, оставили балканские перевалы без всякой защиты. Явная безнадежность затяжной осады турецких крепостей натолкнула главнокомандующего Дибича на мысль форсировать горный хребет на наиболее низком его участке — через Малые Балканы (в 10 км от берега Чёрного моря, южнее Варны), что и было выполнено 35-тысячным русским войском в июле 1829 года.

Последствия этого горного перехода были чрезвычайно благоприятны для русских и за короткий срок привели войну, тянувшуюся более 15 месяцев, к победоносному Адрианопольскому миру. Несколько позже, в сентябре того же года, уже после формального заключения мира, русские отряды Гейсмара и Киселёва преодолели и наиболее высокую часть Балкан — на западе.

Забалканский поход 1829 г. показал, что Балканские горы, особенно в летнее время, не являются сами по себе непреодолимым естественным рубежом, что необходимо также использовать крепости. Поэтому даже в последней четверти XIX в. турецкое командование считало четырёхугольник крепостей (Силистрия — Рушук — Шумла — Варна) более важным барьером против возможного наступления русских, чем Балканы. Турецкий генерал Решид-паша (немец Штреккер) в своих воспоминаниях отмечал, что если бы этого четырёхугольника крепостей не было, «то можно было заранее сказать, что турецкая армия, какое бы расположение она ни заняла, была бы разбита превосходным в силах противником, которому после того открывался бы свободный путь к наступлению через Балканы»¹⁴.

Чтобы разобраться в данном вопросе и верно оценить значение Шипкинского перевала для болгарского театра военных действий, необходимо в первую очередь дать характеристику Балканских гор.

Балканский хребет тянется с запада на восток, от р. Тимок до Чёрного моря, на 550 км и может быть разделён на три части: Западную, Центральную (или Среднюю) и Восточную, которые по своему внешнему виду и проходимости существенно отличаются друг от друга.

Западные Балканы простираются от р. Тимок до Араб-Конакского (Ботевградского) перевала и отличаются наибольшей высотой (до 1900 м) и лесистостью как северного, так и южного склонов. Проходимость данной части Балкан в те времена была ограничена, несмотря на то, что через наиболее удобный для передвижения войск Араб-Конакский перевал шло шоссе Плевна — София. Кроме того в западной части Балкан имелось, по крайней мере, восемь вьючных троп через другие перевалы.

Со стратегической точки зрения эта часть Балканских гор в 1877 г. имела второстепенное значение, так как в течение почти всей войны Северо-Западная Болгария контролировалась войсками Осман-паши, прочно державшимся в Плевне. Кроме того дорога через Софию была наиболее длинным путём для достижения конечной победы над турками.

¹⁴ Н. Фохт. Посмертные записки турецкого генерала Штреккера (Решид-паши) о войне 1877—78 гг. «Варшавский военный журнал» № 2, 1900 г., стр. 126.

Восточные, или Малые, Балканы поднимаются от перевала Братник до Чёрного моря у мыса Эмине на протяжении около 140 км и имеют высоту не более чем 500—600 метров. Проходимость этих гор сама по себе удовлетворительна. Однако возможности наступления русских войск в данной части Балкан ограничивались тем, что их коммуникации должны были бы проходить непосредственно вдоль линии крепостей Русчук — Шумла — Варна и таким образом находились бы под угрозой возможного разрыва.

Наибольшую значимость в военном отношении в тот период представляли Центральные Балканы, через которые шёл кратчайший путь от Систова через Тырнов — Адрианополь на Стамбул. Этот участок горы не преграждался никакими турецкими крепостями и был важен для русской армии, так как этим путём она могла нанести стремительный удар по столице Турции и одновременно здесь же создать надёжный рубеж своей обороны.

Для характеристики этой части Балкан, какой она была в 1877 г., можно обратиться к результатам рекогносцировки, выполненной в сентябре — октябре 1877 г. группой русских военных топографов. В этом документе написано, что центральная часть Балкан, от Шипки до горы Чемерна, лежащей восточнее Твардицкого перевала, «в летнее и сухое время нигде не представляет серьёзного препятствия для действий войск, а только более или менее значительную задержку движения обозов и тяжестей, для движения которых представляется лишь ограниченное число путей (всего пять: Шипкинский, Травничский, Яканлыикий, Хаинкиойский и отчасти Твардицкий), и те в значительной степени затруднительны; через горы проходит множество выючных дорожек и троп, вполне возможных для движения пехоты, а в значительном числе также и для кавалерии и горной артиллерии; многие из этих троп могут быть в непродолжительное время приведены в годность для движения полевой артиллерии... Движение по «колейным путям» для обозов может быть подготовлено в один — два дня. В дождливую погоду движение не только по выючным дорожкам и тропам, но частью и по колёсным путям (особенно по Шипкинскому) становится затруднительным, а на подъёмах иногда и невозможно вследствие глинистого грунта, потому что... дороги делаются вязкими. Что же касается зимнего времени, то в иные годы снег выпадает в весьма незначительном количестве, так что движение через горы не прекращается круглую зиму; в другие же годы оно прекращается только на несколько дней и весьма редко на несколько недель»¹⁵.

Эти данные официального документа русской разведки, являющиеся итогом, несомненно, серьёзной работы, говорят о том, что форсирование Центральных Балкан большой армией в сухую погоду возможно если не в любом, то, во всяком случае, во многих пунктах. Вывод этот, безусловно, ошибочен и снижает стратегическое значение Шипкинского перевала как важнейшего пути из Северной Болгарии в Южную. Нельзя забывать, что проходимость горных дорог и троп при дождливой погоде резко ухудшается, предвидеть же заблаговременно наступление дождей, а следовательно, и возможное полное бездорожье в тылу при отсутствии службы погоды в армии того времени было невозможно. Здесь, кстати, надо отметить, что на большей части территории Болгарии «максимум осадков приходится на конец весны и первую половину лета (май — июль)»¹⁶, то есть на то время, когда намечалось проведение в 1877 г. важнейшей части военных действий. Если учесть это обстоятельство, то становится ясным, что преодоление Балкан большими массами войск было допустимо только в том случае, если бы армия, перевалив через

¹⁵ Сборник материалов по истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. Петербург. 1905, вып. 47-й, стр. 161—162.

¹⁶ Э. Б. В а л е в. Болгария. М. 1949, стр. 28.

хребет, опиралась на такую коммуникацию, которая мало зависела бы от состояния погоды.

Данные балканского театра военных действий говорят о крайнем недостатке в те времена надёжных по проходимости перевалов через Балканы. Поэтому нельзя не согласиться с современником рассматриваемых событий, швейцарским полковником Леконтом, который указывал, что для наступавшей в 1877 г. русской армии представлялось лишь три возможных пути наступления: кратчайший — Галац — Праводы — Адрианополь; Систов — Шипка — Адрианополь и кружной путь — Систов — Никополь — София — Адрианополь¹⁷. По расчётам другого современника, поход русских по первому маршруту, без учёта боевого сопротивления противника, должен был потребовать 24 дня, по второму — 36, по третьему — 48 суток¹⁸.

Как известно, международная и внутренняя обстановка того времени не позволяла России вести войну затяжную, так как она могла привести к включению в войну Англии и Австрии на стороне Турции. Кроме того и финансовое положение России было таково, что «вызванный осенью 1876 года в Ливадию министр финансов Рейтерн с полной откровенностью объявил государю, что для ведения войны Россия не имеет средств»¹⁹. Эти важные обстоятельства определяли и характер использования театра военных действий.

Кратковременность предстоявшей войны с Турцией рассматривалась русским верховным командованием как нечто само собой разумеющееся. Менее чем за полтора месяца до начала военных действий (14 (16) марта) главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, писал Александру II из Кишинёва: «Для движения армии за Балканы ей надо пройти около 130 вёрст до горной цепи и затем ещё около 170—180 вёрст до Адрианополя... Не касаясь дальнейших операций, всё наступление армии к Адрианополю, рассчитывая на успешный ход его, потребует от 13 до 14 недель времени»²⁰. Надо сказать, что предполагаемое русским правительством быстрое продвижение войск основывалось не на реальных возможностях. Царское правительство явно недооценивало сил Османской империи, поддерживаемой Англией и рядом других великих держав.

Чтобы покончить с войной в короткий срок, нужно было нанести решающий удар по столице Турции через наиболее благоприятный по проходимости Шипкинский перевал. Такой вывод и сделан в планах военных действий, разработанных осенью 1876 и весной 1877 г. генералом Обручевым по заданию военного министра Милюткина.

Сущность этого плана состояла в том, что часть русских войск после перехода Дуная должна была действовать в Северной Болгарии, а решающая группа стремительным маршем пройти через Шипкинский перевал. Намечалось, что после Шипкинского перевала эта группа, базируясь на продовольственные ресурсы долины р. Марицы и используя численное превосходство над тыловыми группировками турецкой армии, захватит Адрианополь и под стенами Константинополя продиктует условия победоносного мира. Всё это предполагалось выполнить за четыре — пять недель. Русское командование правильно рассчитывало, что за Балканами встретит не более 40 тыс. турецких войск²¹.

Чтобы реализовать свой план, Обручев предлагал перебросить через Балканы на первом же этапе войны целую армию численностью

¹⁷ F. Lecomte. Guerre d'Orient en 1876—1877. Paris. 1878. Т. II, p. 158.

¹⁸ Tacticien. La guerre d'Orient en 1877—1878. Paris. 1879, p. 450.

¹⁹ А. Н. Куропаткин. Задачи русской армии. СПб. 1910. Т. II, стр. 460.

²⁰ Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. СПб. 1901, вып. IV, стр. 23.

²¹ См. Д. А. Скалон. Мои воспоминания 1877—1878 гг. СПб. 1913, стр. 43.

около 130 тыс. чел.²², которая должна была обеспечить себе подавляющее превосходство над противником на решающем направлении. Автор плана кроме того учитывал медлительность и слабую инициативу турецкого командования, надеясь, что это ещё более облегчит выполнение сме-лых задач Забалканской группировки русских войск.

В плане Обручева не было забыто и обеспечение флангов и тыла этой выдвигавшейся вперёд русской армии, поскольку для выполнения поставленной задачи в Придунайскую Болгарию должна была быть послана ещё вторая армия численностью около 160 тыс. человек.

Для успешной реализации обручевского варианта ведения войны, конечно, необходимо было бы оттянуть начало военных действий приблизительно на месяц, что позволило бы закончить концентрацию в Бессарабии русской действующей армии и в то же время исключило бы поход войск по Румынии в распутицу и их длительную стоянку перед разлившимся Дунаем.

Талантливо задуманный план Обручева не был приведён в исполнение в том виде, как намечал его автор. После перехода русской армии 15(27) июня 1877 г. через Дунай, у Зимницы, штабом действующей армии выработан был новый план, который отражал качества и интересы личного состава этого штаба и императорской ставки.

Яркую и правдивую характеристику императорской ставки дал в своих записках полковник Бобриков. Он пишет об основной группе штаба Дунайской армии: «Слабая духом, но безгранично кичливая, она не выполняла своих прямых обязанностей, нервничала и от собственной тени приходила в невыразимый ужас. Бывали минуты глубокой веры в свою непогрешимость, но они быстро сменялись часами полнейшего маразма... Трудно было даже предположить, до какой степени падали духом от малейших неудач, ликовали от признака возможной победы»²³. Именно этот штаб и создал лишённый всякой логики план боевых действий, которые развернулись непосредственно после перехода Дуная у Зимницы.

Авторы этого нового проекта не смогли оценить смелость и в то же время полную реальность плана Обручева, который обеспечивал окончание войны с турками раньше, чем Англия и Австрия смогли бы своими войсками встать на сторону султана.

В противоположность этому великий князь Николай Николаевич и его приближённые намечали действовать только полумерами. Их настроения и намерения выразил один из самых типичных представителей реакции, командир корпуса Циммерман. В письме к военному министру Д. А. Милютину он советовал «отказаться от решительных предприятий». По словам Циммермана, он ещё в апреле 1877 г. возражал против похода через Шипку, «доказывая трудность и опасность этого предприятия и прибавляя, что, вероятно, это побудит Англию к неприязненным действиям»: Автор письма предлагал воевать только путём систематической осады турецких крепостей, утверждая, что «войну с турками следует вести, наступая медленно, осторожно. Здесь нельзя делать такие быстрые движения, как в Средней и Западной Европе». Циммерман цинично заявлял, что воевать нужно медленно, так как «болгары не стоят того, чтобы об них много заботиться»²⁴.

При анализе военных событий на Балканах нельзя забывать о подобных советах, поскольку такие генералы, как Циммерман, пользовались в начальный период войны большим влиянием и были основными советчиками великого князя Николая Николаевича.

Предложение Обручева основывалось на смелых планах и стремительных действиях Румянцева, Суворова и Кутузова в кампаниях 1770,

²² М. А. Газенкам п ф. Мой дневник 1877—1878 гг. Приложение № 4, стр. 3—8.

²³ «Записки Г. И. Бобрикова». СПб. 1913, ч. 1-я, стр. 27, 33.

²⁴ Д. А. Скалон. Мои воспоминания 1877—1878 гг. Т. I, стр. 279—280.

1774 и 1811 гг.; Циммерман же повторял бездарные планы и медлительные действия Прозоровского (1808—1809), Витгенштейна (1828) и Паскевича (1853), приводившие к затяжным и изнурительным кампаниям.

Страх перед неразведанными силами турок заставил главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, оставить большую часть войск (три с половиной корпуса) вблизи Дуная, чтобы очистить Придунайскую Болгарию от врага. Главной же задачей этой большой группы было прикрывать царскую ставку от нападения турок. С этой целью крупная группа войск (полтора корпуса) под командованием Радецкого должна была ограничиться занятием перевалов Балканского хребта, а корпусу Циммермана было предложено оккупировать Добруджу без всякой перспективы дальнейших наступательных действий. Всё это говорило о чрезмерной осторожности, граничащей с откровенной трусостью, главнокомандующего и его штаба.

Наряду с такой неуверенностью в своих силах руководство русской армии легкомысленно смотрело на войну как на триумфальный поход в Константинополь. Только легкомыслием можно объяснить тот факт, что для выполнения самой ответственной задачи — перехода Балкан и последующего удара в направлении столицы Турции — великий князь Николай Николаевич выделил вместо трёх корпусов, намеченных по плану Обручева, так называемый Передовой отряд, состоявший из разных соединений. В отряде было 5 800 чел. пехоты и 3 700 чел. конницы. Правда, на самом последнем этапе отряд был усилен одной пехотной бригадой и доведён до 15 тыс. чел., но этого было слишком мало, да и сделано это было слишком поздно.

Современник событий генерал Зотов удачно отметил, что этот отряд был предназначен только «для лёгких, но блестящих побед»²⁵. Такие лёгкие победы действительно сначала были, но потом события показали глубокую ошибочность расчётов главнокомандующего.

Задачи, поставленные Передовому отряду, сводились к следующему: произвести разведку в предгорьях в районе Тырново — Сельви; овладеть перевалами; прикрыть переходы до подхода главных сил; выслать кавалерию «ещё далее вперёд с целью поднять болгарское население, оказать ему поддержку и рассеять турецкие отряды, если бы таковые оказались в незначительных силах»²⁶. Что касается частей корпуса Радецкого, то они должны были лишь овладеть перевалами Центральных Балкан и закрепиться на них. Таким образом, Гурко и Радецкий получали довольно неопределённую задачу. Особенно неопределённой была главная её часть, от которой зависел наибольший эффект, а именно — организация восстания мирного населения в тылу турецких армий и удара по дальним подступам к столице противника.

Такой неконкретный план действий можно объяснить только тем, что, намечая восстание в Болгарии, командование Дунайской армии в то же время опасалось мощного народного движения. От наступления на Константинополь, которое могло бы быстро завершить войну, русское командование, опасаясь наступления неприятеля от Никополя и Русука на Сивастополя и вмешательства Англии, отказалось. Решение этих задач кроме того требовало хорошего знания театра военных действий и умения разбираться в общей военной обстановке, чего не было у русского высшего командования.

Даже возможные пути через Балканы были изучены очень плохо. Так, в напечатанном в июне 1877 г. военно-географическом обзоре этих гор о проходе из Габрова в Имитли, который спустя полгода был ис-

²⁵ П. Д. Зотов. Война за независимость славян в 1877 году. «Русская старина». № 1, 1886, стр. 227.

²⁶ Д. С. Нагловский. Передовой отряд в последнюю турецкую кампанию. СПб. 1891, стр. 5—6.

пользован отрядом Скобелева, было лишь указано, что о нём «не имеется никаких сведений»²⁷. Неудовлетворительность топографической службы во время войны 1877—1878 гг. отмечалась многими современниками. Так, один из генералов Дунайской армии с возмущением указывал, что «даже карта Балканского полуострова оказалась неверною и ни на что негодною»²⁸.

В результате допущенных высшим командованием ошибок части действующей армии оказались в начале войны неподготовленными к крупным наступательным действиям на Балканах, а это, в свою очередь, предопределило использование русскими горного хребта в начале военных действий в основном лишь для оборонительных целей.

К счастью для русской армии и мирного населения Болгарии, часть промахов штаба главнокомандующего была сразу же исправлена руководителями намечавшегося похода — Гурко и Радецким. Они правильно поняли, что самыми важными задачами в тот момент на южном фронте были быстрый захват и прочное закрепление за русскими перевала Шипки. Высота этого перевала равнялась всего 1 270 м, дорога через него была разработана значительно лучше, чем через другие горные проходы Балкан. «Проход Шипка был нарочно пробит для проезда падишаха Махмуда II 1837 г.»²⁹. Задача эта была нелёгкой, так как турки успели, хотя и не полностью, укрепить Шипку.

Сообщения современников в основном совпадают с выводом военного корреспондента Шаховского, лично осматривавшего здесь турецкие позиции через два дня после взятия их русскими войсками. «Укрепления Шипки, — писал он, — сторожат на южном склоне Балканских гор Шипкинский проход и представляют по своему положению позиции, которые нельзя взять приступом, а разве одной блокадой, т. е. принудив к сдаче голодом, для чего необходимо отрезать предварительно гарнизон Шипки от всякого сообщения с главным операционным базисом турецкой армии — Филиппополем»³⁰.

Таким образом, Гурко и Радецкому предстояло решить трудную задачу при крайне неблагоприятных условиях. Неопределённость планов главнокомандующего, ограниченность сил, выделенных для наступления на юг, недостаточность сведений о характере местности, количестве войск противника и степени укрепленности перевалов могли привести отряды Радецкого и Гурко или к полной катастрофе или в лучшем случае к неудаче штурма Шипки.

Тяжёлое положение, в котором оказалось командование авангарда русских войск на юге, объяснялось также боязнью царского правительства обострить походом за Балканы взаимоотношения с Англией. В воспоминаниях личного адъютанта главнокомандующего Скалона отмечается, что на ставку произвели сильное впечатление угрозы Биконсфильда и Дерби начать войну, если русские перейдут через Балканы³¹.

Правящие круги Англии хотя и не имели в тот период больших возможностей начать военные действия, однако использовали всё, чтобы помочь Турции в её борьбе против России.

Англия играла большую роль в обеспечении войск султана вооружением и боеприпасами. Не желая воевать собственными руками, английская буржуазия, чтобы усилить агрессивные настроения в английском и турецком обществе, вела усиленную антирусскую пропаганду. Консервативные газеты и главным образом аристократическая «Pall Mall Gazette» ещё до начала войны в каждом номере «старались убедить бри-

²⁷ «Балканы». Военно-географический обзор. «Военный сборник» № 6, 1877. СПб, стр. 297.

²⁸ Н. А. Боровков. Из прошлого. СПб. 1901, стр. 74.

²⁹ «Письма Мольтке о Турции». «Военный сборник» № 10, 1877 г., стр. 332.

³⁰ Л. В. Шаховской. Два похода за Балканы. М. 1878, стр. 25—26.

³¹ Д. А. Скалон. Мои воспоминания 1877—1878 гг. Т. I, стр. 114, 133—134.

танскую публику и султана в том, что русские войска находились в таком состоянии дезорганизации и разрушения, что не в силах были бы сразиться с Турцией»³².

Аналогичной политики придерживались и официальные представители Британии и России. Упомянувшийся выше военный атташе Уолслей в своих донесениях лондонскому кабинету всячески чернил русскую армию и, играя на слабой струне своих собеседников из правящих кругов Петербурга, на их страхе перед революционным движением, опорочивал носившие, несомненно, прогрессивный характер военные реформы Милютина.

«Старая рекрутская система,— пишет этот агент английского империализма,— давала армии такое же количество солдат, и так как рекруты набирались всецело из крестьян, то не было никакого понятия с нигилизме». Русские, пишет далее Уолслей, провели военную реформу (речь идёт о введённой в 1874 г. обязательной воинской повинности. — П. Ф.), которая «...не только ввела в армию недовольство, но развила в ней революционный дух и поколебала дисциплину». Надо сказать, что эта подрывная агитация, повидимому, не имела успеха, и Уолслей жалуется на последовавшее в результате её охлаждение к нему со стороны русского общества³³.

Другой представитель английских властей — консул в Одессе, ярый руссофоб Стэнли,— занимаясь шпионской деятельностью, вёл её настолько откровенно, что не находил даже нужным как-либо маскироваться, открыто осматривал строившиеся тогда вокруг Одессы батареи и даже пробирался во внутрь их³⁴.

Когда русские войска, перейдя Дунай, стали продвигаться на запад, юг и восток по Придунайской Болгарии, Англия пыталась перейти к более агрессивным мерам, намереваясь занять своими войсками Галлиполи. Но это были только угрозы. На самом же деле сухопутные вооружённые силы Англии совершенно не были готовы к войне³⁵, что наглядно выявилося в их действиях против Афганистана в 1878—1880 гг., и кабинету Биконфильда пришлось ограничиться предоставлением 2 (14) августа султану займа в размере двух с половиной миллионов фунтов стерлингов³⁶ и маневрированием королевского флота от Англии к Мальте и от Мальты к Дарданеллам.

Антиславянская деятельность английской буржуазии не остановила движения русских войск на юг, но она всё-таки мешала борьбе русских на Балканах. В частности, враждебная позиция Англии сказалась и на развитии действий за Балканами.

В результате непродуманного плана русского верховного командования Шипка на начальном этапе войны вместо того, чтобы стать исходным пунктом для развёртывания решающего наступления на Константинополь, была предназначена лишь для прикрытия тыла корпусов Дунайской армии, которые двинулись тогда на Никополь и Русчук.

Даже и при таком оборонительном назначении Шипки большое стратегическое значение имело быстрое очищение этого перевала от турок. Гурко и Радецкий правильно учли трудность лобовой атаки Шипкинского перевала только с севера, от Габрова, и по предложению Гурко был принят смелый план одновременного удара с севера и с юга. Сущность этого замысла была проста: предназначенный для действий на хребте и в Южной Болгарии Передовой отряд должен был перейти Балканы там, где

³² Мак-Колль Малькольм. Султан и державы. СПб. 1897, стр. 74.

³³ В. Тимирязев. Иностранцы о России. «Исторический вестник» № 11, 1905 г., стр. 694, 704—705.

³⁴ В. О. Дубецкой. На выстрел от выстрелов. «Исторический вестник» № 12, 1888 г., стр. 671.

³⁵ Газета «Голос» № 151 от 12(24) июля 1877 года.

³⁶ Там же, № 178.

турки его менее всего ожидали, и, двигаясь затем на запад, вдоль южного склона гор, атаковать Шипку с юга, со стороны долины Тунджи. Авангард Радецкого должен был одновременно напасть на Шипку с севера. Успех должна была обеспечить внезапность одновременной атаки.

Наступление Гурко через Хаинкиойский (Хаинбоазский) перевал, в 30 км к востоку от Шипки, оказалось для турок настолько неожиданным, что они не оказали русским войскам никакого сопротивления. Не встретил серьёзного противодействия Гурко и в долине Тунджи на пути к Шипке.

Появление отряда Гурко за Балканами было неожиданностью и для правящих кругов английского общества. По сообщению одного довольно компетентного русского журналиста, «известие о переходе русских войск через Балканы произвело в туркофильских кругах Лондона полнейший переполох. Туркофильские газеты, вроде «Morning Post» и «Daily Telegraph», стали кричать караул и выбиваться из сил, чтобы убедить английское общество в неотложной необходимости немедленно принять энергичные меры против России. Если верить разглаговольствованиям этих органов, то от приближения русской армии к Адрианополу зависит существование господства Англии в Индии; приближение же к самой столице Оттоманской империи неминуемо должно привести к падению самой Англии и всего престижа на Востоке»³⁷.

Отряды Гурко и Радецкого продолжали своё продвижение к Шипке. Им предстояло решить самую трудную задачу — одновременным ударом захватить в плен или сбить с перевала укрепившийся на нём гарнизон Хулюсси-паши численностью около 7 тыс. человек. Сложность этого плана состояла в том, что условия наступления обеих колонн были очень различны. Авангарду Радецкого надо было пройти от Тырнова до Шипки лишь 60 км с перспективой встретить врага лишь при атаке самого перевала. Длина же намеченного пути Гурко равнялась приблизительно 130 км, причём по дороге ему надо было преодолеть Хаинкиойский перевал, а затем вести за хребтом бои в полном отрыве от своих главных сил.

Для войн XIX в. наступательные действия такого рода считались тактически очень трудными и применялись крайне редко. Во всяком случае, Гурко и Радецкому нужно было разрешить задачу более сложную, чем те, которые решали 1-я и 2-я прусские армии при марше через Судеты во время австро-прусской войны 1866 года.

По плану атака Шипки намечалась на 5 (17) июля. К этому времени бригада 9-й пехотной дивизии под командованием начальника дивизии Святополк-Мирского оказалась уже у северного подножья перевала. Передовой же отряд запоздал, так как упорная оборона турок у Уфлани хотя в конце концов и завершилась их бегством, но всё-таки задержала Гурко на сутки.

Малоспособный генерал Святополк-Мирский принял решение атаковать Шипкинский перевал прямо с ходу, не дожидаясь поддержки со стороны Гурко. Это было серьёзной ошибкой, которую Святополк-Мирский увеличил, введя в бой только один Орловский пехотный полк. Наступление велось неорганизованно и кончилось тем, что русские отступили.

В это время Гурко был в Казанлыке, в 25 км от Шипки, и сумел выступить против турок только на следующий день — 6 (18) июля. Правда, на южном склоне не было таких укреплений, какими изобилдовал северный, но зато скат хребта в сторону р. Тунджи был очень крутым. Русские сумели использовать имевшиеся на их пути непросматриваемые и непростреливаемые «мёртвые» пространства, и двум стрелковым батальонам

³⁷ Д. Рудин. Военно-политические письма из Румынии. Газета «Голос» от 13(25) июля 1877 г. № 152.

удалось занять окопы турок. Но эти отряды были малочисленны и под давлением превосходящих сил противника оставили занятые позиции.

Нападение с двух сторон испугало Хулюсси-пашу, и он сообщил Гурко о своём согласии на капитуляцию, прося лишь дать отсрочку на одни сутки. Гурко поверил в искренность просьбы, дал согласие и стал ждать назначенного срока. В то же время Святополк-Мирский, не зная ничего о действиях Гурко, решил 7 (19) июля повторить атаку с севера. Двинувшиеся в гору его войска на этот раз не обнаружили на перевале противника. Турки к этому времени уже бежали с перевала, бросив орудия, боеприпасы и продовольствие.

Заняв такой важный стратегический пункт, как Шипкинский перевал, русское главное командование не поняло необходимости прочнее закрепить его за собой. Легкомыслие и неумение правильно разобраться в окружавшей военной обстановке главнокомандующего и его штаба привели к тому, что никаких серьёзных мероприятий по созданию обороны Шипки не было проведено. По сообщению современника, окопы и землянки на перевале «все строили на живую руку, кое-как, надеясь, как и было обещано, что не нынче, так завтра нас смелят другими войсками»³⁸. Это правдивое сообщение современника объясняет, почему русские войска вскоре оказались в чрезвычайно тяжёлом положении, когда им пришлось оборонять Шипку от корпуса Сулеймана.

Интересуясь по преимуществу только тем, что происходило в непосредственной близости от них, руководители Дунайской армии ничего не делали для создания прочной обороны Шипки. 14(26) августа, когда уже бои на перевале были в самом разгаре, Милютин отметил в своём дневнике: «Мы до сих пор имели совершенно неверное понятие о положении обеих сторон, и как не подивиться тому, что ни главнокомандующий, ни его начальник штаба не позаботились разузнать точнее, какова наша позиция, как она укреплена... каким образом в течение целого месяца главное начальство армии не позаботилось о том, чтобы обеспечить оборону занятых нами Балканских проходов и даже не полюбостывало узнать, как именно занять эти проходы»³⁹.

О том, что противник попытается прорвать линию обороны русских войск на Балканах, можно было думать заранее, ещё тогда, когда отряд Гурко находился в долине Тунджи. 28 июня (10 июля) штаб Дунайской армии получил телеграмму от генерального консула в Цетинье, Ионина, сообщавшего, что корпус Сулейман-паши перебрасывается морем в Болгарию. Затем и русский консул в Рагузе также подтвердил, что турецкие войска выведены из Герцеговины и Черногории. Обе телеграммы, так же как и ряд других аналогичных сообщений, главнокомандующий не принял во внимание⁴⁰.

Вскоре произошли события, которые не оставляли никаких сомнений в предстоявших серьёзных изменениях в обстановке. Уже с последних чисел июля началось массовое бегство болгар с юга в Северную Болгарию. Как указывает один из участников шипкинской обороны, беженцы везли на повозках свой скарб, а за ними двигались ослы, буйволы, овцы, причём всё это находилось в чрезвычайно бедственном положении. Большую помощь беженцам оказывали русские солдаты, которые заготавливали им воду, кормили сухарями⁴¹.

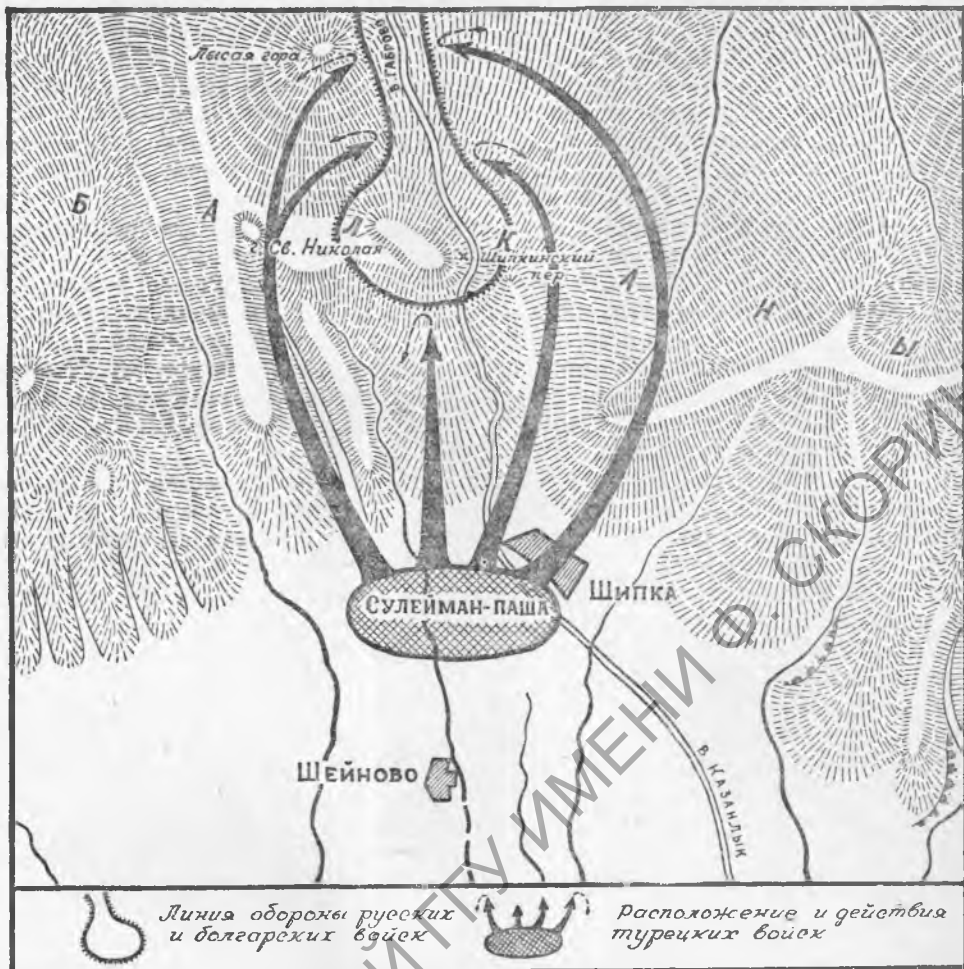
Единственным спасением для болгар после появления в долине Тунджи всё разорявших и уничтожавших на своём пути войск Сулеймана

³⁸ С. Соболев. Русско-турецкая война в Болгарии 1877—1878 гг. «Русская старина» № 7, 1887 г., стр. 197.

³⁹ Отдел рукописей Государственной библиотеки имени Ленина. Архив Д. А. Милютина. Дневник. 1877, л. 207.

⁴⁰ М. А. Газенкамф. Мой дневник 1877—1878 гг., стр. 51.

⁴¹ Г. Киснемский. Шипкинский перевал. «Артиллерийский журнал» № 2, 1880 г., стр. 176.

Оборона Шипки

был уход на север, за горы, под защиту русских войск, державших в своих руках перевалы. По словам современника, число болгар-«беженцев, сразу поднявшихся со своих мест, достигало многих десятков тысяч душ; впоследствии общее их число определяли примерно в 200 тыс. человек. Массою они появились из-за гор и наводнили все окрестности Шипки и Габрова, ежечасно распространяясь к северу по направлению к Тырнову»⁴². Жизнь этих людей зависела от того, сумеют ли русские войска прочно задержать на перевалах наступление турецкой армии, подходившей с юга вплотную к хребту. Положение же защитников горных перевалов было тогда крайне неблагоприятным.

На южном фронте VIII корпус Радецкого вместе с частями XI корпуса занимал чрезвычайно растянутую по Балканам линию обороны, которая могла быть демонстративно обойдена с востока у Осман-Базара и справа в районе Ловчи и вполне могла быть прорвана в центре: на 150 км 49 тыс. русских войск могли составлять лишь слабую завесу.

К счастью для войск Радецкого, турецкое командование не сразу выработало план действий. По словам английского агента Файф-Кук-

⁴² Д. Г. Анучин. Князь В. А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии в 1877—1878 гг. «Русская старина» № 12, 1895 г., стр. 22.

сена, проводившего в Адрианополе инспекторский смотр войскам, Сулейман-паша «предполагал, что, двинувшись со своей армией через проход Сливну, он с западной стороны непременно наткнётся на превосходного неприятеля, что русские колонны успеют в это время перевалить через Шипку, разбить отделённый им к Казанлыку отряд и своим движением против беззащитного Адрианополя, при отсутствии армии Сулеймана, наведут ужас на Константинополь и покончат войну»⁴³.

Таким образом, вследствие слабой осведомлённости Сулейман переоценил наступательные возможности русских войск в тот период. К сожалению, русское командование плохо использовало промедление турок.

Историки, оценивавшие создавшуюся тогда на Балканах обстановку, не обращали внимания на то, что оборону русских в значительной степени обеспечивала трудная для артиллерии и обозов проходимость гор. Чтобы не пропустить крупные силы врага в Придунайскую Болгарию, из всей 150-километровой линии нужно было закрепиться только на Шипке, однако и этого не было сделано.

Предоставленный самому себе, не получая никаких указаний о важности обороны Шипки, стоявший там с 7 (19) июля Орловский полк, по словам его боевой хроники, до 9 (21) августа «наслаждался полным отдыхом. О турках забыто. Укрепления шипкинской позиции были поручены капитану Ласковскому, который настроил множество ложементов, оказавшихся совершенно неприменимыми»⁴⁴.

Последствия такой беспечности усугублялись ещё и тем, что Радецкий и главное командование больше всего боялись нападения турок на левый фланг южного фронта, где неприятель мог, по их мнению, прорваться в тыл Рушукского отряда, которым командовал наследник, великий князь Александр Александрович. Поэтому все резервы Радецкого предназначены были поддерживать в первую очередь левый фланг южного фронта.

Для создания успешной обороны командованию VIII корпуса нужно было разведать, где именно противник намерен нанести основной удар, и здесь Радецкий допустил ошибку, которая чуть не привела к катастрофе. Командир одного из отрядов левого фланга войск Радецкого, генерал Борейша, по трусости и бездарности принял набег небольшого отряда иррегулярных турецких войск за наступление основных сил Сулеймана и сообщил об этом Радецкому. Радецкий, поверив этому сообщению, отдал приказ о переброске своего резерва (4-й стрелковой бригады и бригады 14-й пехотной дивизии) на левый фланг, в район Елены, и только когда этот резерв прибыл на место назначения, Радецкий выяснил обстановку.

Командующий болгарским ополчением генерал Столетов сообщал ему, что турки будут пытаться сбить русских с Балкан именно в районе Шипкинского перевала, который оборонялся в то время всего тремя батальонами Орловского пехотного полка и пятью болгарскими дружинами. Таким образом, на узком участке фронта (2—3 км) наступавшему корпусу Сулеймана (27 тыс. чел., 48 орудий) противостояло всего 5 тыс. чел. при 27 орудиях.

Маленький русско-болгарский отряд занимал очень невыгодную для обороны позицию на Шипкинском перевале. Это был узкий гребень длиной до 1,5 км, шириной от 60 до 1000 м при наибольшей высоте 1270 м над уровнем моря. «Общий характер этого перевала — открытое дефиле, пролегающее по узким хребтам, ограниченным к западу и востоку крутыми обрывистыми скатами в глубокие долины, поросшие густым

⁴³ «С турецкими армиями на Балканах и в Галлиполи». «Военный сборник» № 12. 1880 г., стр. 141.

⁴⁴ Сборник материалов по истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. СПб. 1902, вып. 10, стр. 55.

лесом и кустарником. Укрепления Шипкинского перевала можно было обойти и с востока и с запада»⁴⁵.

Вокруг Шипкинского перевала возвышались вершины гор. Перевал мог простреливаться со всех сторон. Эту угрозу можно было устранить лишь при наличии значительно большего количества войск, заняв ими прилегавшие к перевалу командные вершины. Неудовлетворительной была и дорога Шипка — Габрово, которую к началу боёв успели сделать пригодной для движения войск только до половины подъёма к высшей точке перевала.

К 7(19) августа для русского командования стало совершенно ясно, что главный удар Сулейман направляет на Шипку. Сил для отражения его было явно недостаточно. Неблагополучно было и с подброской резервов.

Получив, как указывалось выше, ложное донесение об угрозе нападения основных сил Сулеймана на левый фланг Балканского отряда Радецкий на рассвете 8(20) августа во главе 4-й стрелковой бригады направился от Тырнова к Елене. В то же время по его приказу 2-я бригада 14-й пехотной дивизии быстрым маршем пошла в Златарицу. Оба отряда двинулись к пунктам, отстоявшим на 75—80 км к востоку от Шипки. В Елене Радецкого ждало указанное выше сообщение с Шипки от генерала Столетова о появлении под перевалом 20—25 тыс. чел. противника. Осознав свою ошибку, Радецкий немедленно повернул уставшие от трудного перехода в жару, по горам, части от Елены назад, к Тырнову.

Нужно было спешить. Силы же русских солдат были подорваны. Несмотря на усталость солдат, их обратный марш на Тырнов — Шипку проходил в совершенно исключительных темпах. Солдаты Радецкого понимали значение их быстрого продвижения и чувствовали всю ответственность, ложившуюся на них: без их помощи погибли бы и Шипка и болгарские беженцы.

Поход армии Радецкого ярко описан в воспоминаниях очевидца — генерала Анучина. В 11 час. утра 10(22) августа, когда стрелки шли уже из Тырнова на Шипку, «жара дошла до 38° и всё увеличивалась; укрыться от неё не было никакой возможности». По этому пути двигались два потока: один с юга на север — беженцы, другой — русские войска, которые «стремились на юг, спеша предупредить врага в его усилиях овладеть проходами... По мере нашего приближения к становищам беженцев всё взрослое население становилось на колени и кланялось в землю. «Много здоровья, много счастья!» — твердили женщины с рыданиями, глядя на нас. Все мужчины были без шапок. Немало мужчин, женщин и детей были в перевязках. Это — жертвы турецких неистовств. Картина была потрясающая»⁴⁶.

Вида бедственное положение широких масс болгарского населения, разорённых, измученных, зачастую изуверенных турецкими грабителями, русская пехота, сознавая, что только она одна может спасти эту массу беженцев от окончательной гибели, в стремительном походе к Габрову и в гору на перевал делала чудеса. По записи журнала военных действий, солдаты 14-й пехотной дивизии за двое суток сделали по горам, в невероятной зной около 75 км⁴⁷. Ещё большей быстроты движения достигла 4-я стрелковая бригада, «некоторые из батальонов которой прошли в день 60 км»⁴⁸.

Большую поддержку русским солдатам оказало местное население.

⁴⁵ «Описание русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове». СПб. 1906. Т. IV, ч. 1, стр. 34.

⁴⁶ Д. Г. Анучин. Тырнов и Шипка. «Вестник Европы» № 11, 1893 г., стр. 16—17.

⁴⁷ Сборник материалов по истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. СПб. 1898, вып. 5, стр. 126.

⁴⁸ Журнал «Дело» № 8, 1877 г. Военная хроника, стр. 142.

По словам того же генерала Анучина, в помощь русским солдатам «собрано было 100 носилок с 400 носильщиками... Тысяча человек болгар отправлена с водой в кувшинах, вёдрах и бочках на ослах и телегах... Местные жители вели себя удивительно. По первому слову беженцы опрокидывали свои возы с пожитками и ехали или шли, куда им приказывали»⁴⁹.

Несмотря на стремительность марша, первые русские подкрепления прибыли в Габрово лишь к вечеру 10 (22) августа. Утомление их было столь велико, что дальнейшее движение вперёд нельзя было возобновить даже утром следующего дня.

В то время как русские солдаты приближались к Шипке, на её вершинах начали развёртываться решающие события.

На рассвете 9 (21) августа войска Сулеймана начали наступление с юга и особенно с юго-востока, от Шипкинского перевала. Помня упорные бои отряда Гурко при Ески-Загре и Ени-Загре, Сулейман не пытался взять Шипку с одного натиска. Первые атаки турок, с 6 часов утра до 10 часов вечера, не были очень настойчивы и отражались ружейным и орудийным огнём оборонявшихся. Штыковых боёв в этот день почти не было. Чувствовалось, что турки только выясняют расположение и силы русско-болгарского отряда и выбирают наиболее выгодные пути для наступления. Стойкость оборонявшихся и их меткий огонь заставили Сулеймана отказаться от намеченной им на 10 (22) августа повторной атаки и назначить новое наступление на 11 (23) августа.

9 (21) августа вечером на перевал прибыл 35-й Брянский пехотный полк, увеличив численность оборонявшихся до 7 500 человек. Это усиление не было значительным, но оно позволило генералу Столетову укрепить наиболее слабые места обороны.

День 10 (22) августа прошёл в перестрелке, перегруппировке частей и в усиленных работах русских и болгарских солдат под руководством генерала Кренке по укреплению перевала.

Положение гарнизона осложнялось нахождением здесь одновременно трёх генералов: Столетова, Дерожинского и Кренке, каждый из которых сначала не желал брать на себя командование. Только штурм 9 (21) августа прекратил эти разногласия⁵⁰, и оборону возглавил генерал Столетов.

Генерал Н. Г. Столетов, брат знаменитого русского физика А. Г. Столетова, был не только талантливым военным, сторонником самых передовых идей в военном искусстве, чем заметно выделялся среди царского генералитета. Получив по окончании Московского университета учёную степень кандидата математических наук, он в дальнейшем занимался серьёзной научно-исследовательской деятельностью. В частности, в 1874 г. Н. Г. Столетов возглавил большую экспедицию по всестороннему изучению области реки Аму-Дарьи. Ранее, в 1869 г., обследуя восточные берега Каспийского моря, Столетов выбирал место для Красноводска и непосредственно руководил строительством этого города. Выступал Столетов весьма удачно и в качестве дипломата при ведении летом 1878 г. переговоров с афганским эмиром, в результате которых удалось предотвратить выступление Англии из Индии на север за Гиндукуш и тем разрядить напряжённую для России обстановку в Средней Азии.

В ходе войны 1877—1878 гг., командуя сформированным им же болгарским ополчением, Столетов проявил во многих боях и походах высокие способности полководца.

В самые тяжёлые моменты августовских боёв Н. Г. Столетов был душой шипкинцев, организатором и руководителем героической обороны на Шипке.

⁴⁹ Д. Г. Анучин. Тырнов и Шипка. «Вестник Европы» № 11, 1893 г., стр. 40.

⁵⁰ В. Д. Кренке. Шипка в 1877 г. «Исторический вестник» № 2, 1883 г., стр. 262.

Если в первый день штурма турецкие войска Сулеймана наносили удары по центру и левому флангу русских, то 11 (23) августа 14 батальонов Салих-паши атаковали русских в лоб с юга, 16 батальонов Вессель-паши и Реджеб-паши наступали против левого фланга русских, а отчасти с тыла и, наконец, на правый фланг с запада шли 10 батальонов Рассим-паши.

Русско-болгарский отряд был почти окружён, и положение его было близко к безвыходному. Атаки превосходящих по численности сил турок с разных сторон следовали с небольшими перерывами с 4 часов утра до 8 часов вечера. Около 5 часов вечера противнику удалось захватить Волинскую гору в 500 м от середины продольной линии русской позиции, которой угрожал разрыв на две части.

Положение оборонявшихся осложнялось тем, что у них не хватало патронов. «Ополченцы IV дружины, — пишет непосредственный защитник Шипки, болгарский офицер Кисов, — вместо залпов встретили врага градом камней. Орловцы на горе св. Николая тоже практиковали такой способ. Местность способствовала этому, да и камней имелось в изобилии»⁵¹. Чтобы пополнить запасы патронов, их забирали с опасностью для жизни у убитых и раненых турок.

В этот тяжёлый день русские и болгары отражали натиск врага огнём винтовок, гранатами и картечью артиллерии и штыковыми контратаками. Эти контратаки были настолько яростны, что турки их не выдерживали и откатывались назад. Но потери оборонявшихся тоже были велики, и силы их слабели, — только мысль о громадной ответственности за судьбы людей в тылу, за судьбу товарищей по обороне заставляла защитников перевала делать то, что казалось невозможным.

Наиболее опасной являлась угроза быть отрезанными от Габрова, откуда ждали помощи. Уже в ночь на 11 (23) августа в резерве для прикрытия тыла в этом месте оставалась только 5-я рота и один взвод 6-й роты Брянского полка. Разведкой было установлено, что противник готовится перерезать дорогу на Габрово именно здесь, у так называемой Круглой батареи. Первая атака на этот наиболее ответственный пункт была начата турками в 4 часа утра 11 (23) августа, но контратакой они были отброшены. Этот успех стоил оборонявшимся очень дорого: были ранены батальонный командир и оба младших офицера роты; три четверти солдат было также убито или ранено, уцелел лишь командир 5-й роты, который организовал дальнейшую оборону, используя раненых и собирая патроны с трупов.

От следующей атаки турок в этом важном пункте удалось отбиться с помощью батареи, в строю которой не осталось ни одного офицера. Спас положение наводчик Аким Рич, который с несколькими артиллеристами под огнём противника выкатил орудие за бруствер и тремя выстрелами картечью в упор разогнал турок⁵². В таких условиях протекала оборона Шипки.

Русские и болгары расходовали последние силы. В этот решающий момент прибыло наконец первое подкрепление. К вечеру 11 (23) августа 16-й стрелковый батальон находился в нескольких километрах от района боёв, но силы его солдат были настолько измотаны, что они не могли подняться без длительного отдыха на перевал. Положение спас Радецкий, приказав направить под гору, навстречу стрелкам, 200 казачьих лошадей с коноводами. Там, под горой, стрелки садились по два — три человека на лошадь и поднимались вверх.

К этому времени в некоторых болгарских дружинах оставалось всего по два — три годных ружья, так как ружья Шасспо, которыми они были вооружены, имели неудачную конструкцию. Эти дружины были спасены

⁵¹ С. И. Кисов. Из боевой и походной жизни 1877—1878 гг. София. 1903, стр. 247.

⁵² М. Ш. Один из эпизодов обороны Шипки. «Южный Край» № 7461, 1902 год.

первыми 150 стрелками 16-го стрелкового батальона, которые, соскочив с лошадей, бегом бросились в контратаку на таборы Рассим-паши и отбросили их к Лесному кургану. Весть о появлении свежих сил влила в ряды оборонявшихся новую энергию, а тем временем на перевал поднимались и другие батальоны 4-й стрелковой бригады. Вечер 11 (23) августа был кризисным моментом обороны Шипки. К утру следующего дня прибыли Подольский и Житомирский полки Драгомирова, и положение значительно улучшилось, хотя двукратное превосходство оставалось за турками, продолжавшими ещё три дня атаковать Шипку.

Немецкий военный писатель Гартман отмечал: «Шипкинский перевал для турок сделался как бы красной тряпкой для быка, на которую тот бросается всё снова и снова и при этом обламывает свои рога»⁵³.

В последние три дня атаки турок сменялись уже не менее яростными контратаками шипкинцев. Для фанатически настроенных турецких солдат это кровопролитие не прошло даром, и по окончании августовских боёв «моральные силы турецких войск находились на очень низком уровне»⁵⁴. Потери обеих сторон за шесть дней штурма действительно были значительны: у турок — 28%, у русских — 13% личного состава⁵⁵.

По мнению Милютина, на Шипке «нашим войскам удалось отстоять этот проход опять-таки благодаря своему самоотвержению и стойкости, но отнюдь не искусству своих вождей»⁵⁶.

Нужно сказать, что вторая часть этого утверждения требует поправки. Нельзя забывать, что умелое распределение и искусная переброска сил также способствовали тому, чтобы отбить превосходящего по численности врага. Это было достигнуто энергичными действиями Столетова и прибывшего на перевал 12 (24) августа Радецкого, а также ряда офицеров, успешно руководивших боем на отдельных участках и сражавшихся с исключительным героизмом. Среди них в первую очередь следует назвать командира 35-го Брянского пехотного полка Липинского, получившего непосредственно перед штурмом назначение на штабную должность, но оставшегося по собственному желанию на Шипке, командира 3-й бригады болгарского ополчения полковника Толстого, возглавлявшего всю артиллерию Шипки, полковника Вяземского и многих других.

Умелый выбор мест для батарей позволил отразить огнём все атаки первого дня штурма, не допустив турок до штыкового удара. Оборонявшиеся части были расположены с учётом отражения как фронтального, так и обходного наступления турок.

Большую роль в успехе русских на Шипке сыграла также своевременная переброска войск с одного участка на другой. Воспользовавшись в середине дня 11 (23) августа слабостью атак турок с юга, Столетов снял одну дружину с горы св. Николая и перебросил её на северный участок, где назревала угроза полного окружения шипкинской позиции. Появление здесь даже такого небольшого отряда оказалось спасительным и привело к отражению очередного удара противника.

Анализ августовских боёв на Шипке показывает, что нигде в ходе данной войны русские солдаты не проявляли такой стойкости, как здесь, на Шипке. Для русских воинов было ясно, что именно тут, на Балканах, от их упорства зависит жизнь многих тысяч мирных людей, которые искали и могли себе найти спасение от турецких зверств лишь у русских. Так расценивали создавшуюся обстановку на перевале русские и болгарские солдаты. Один из участников боёв на Шипке писал: «Беженцы бежали со страхом до тех пор, пока не достигали нашей позиции; здесь торопли-

⁵³ J. Hartmann. Der russisch-türkische Krieg von seinem Beginn bis zur Einnahme von Kars. Berlin. 1878, S. 51.

⁵⁴ H. Hinz. Gurko und Suleiman-Pascha. Berlin. 1880, S. 192.

⁵⁵ «История русской армии и флота». М. 1913. Т. XI, стр. 89.

⁵⁶ Отдел рукописей Государственной библиотеки имени Ленина. Архив Д. А. Милютина. Дневник 1877 г., лл. 211—212.

вость их бегства пропадала, ибо болгары сильно веровали в наше превосходство перед турками; беженцы смотрели на нас, как на твердыню, которая их прикрывала от всякой опасности»⁵⁷.

Большое значение в общем боевом подъёме имело участие в боях болгарских дружинников. Нельзя не согласиться с автором одного болгарского учебника, который указывает, что «болгарское ополчение на горе св. Николая показало русским, на что способен болгарский народ. Невиданная храбрость защитила Шипкинский перевал от орды Сулейман-паши»⁵⁸.

Потрясение войск Сулеймана после штурма было столь велико, что если бы главное командование Дунайской армии ввело здесь немедленно в бой одну — две свежие дивизии, то Сулейман был бы разбит и отброшен от гор. Однако главнокомандующий, интересовавшийся только участками фронта, наиболее близкими к его штабу, не счёл нужным усилить войска на Шипке.

Турки не возобновляли серьёзных попыток захвата перевала. Проведённый ими 5 (17) сентября штурм русских позиций нельзя было даже и сравнивать с натиском августовских боёв. И на этот раз турки были вновь отбиты. Больше они не пытались оттеснить русских с перевала. Началось многомесячное шипкинское сидение.

Надо отдать справедливость, что турки довольно тщательно подготовились к осаде русской позиции. По словам очевидца, землянки турок на Лысой горе устроены были прочно, брустверы траншей делались основательно из длинных корзин со щепнем, а также из буковых обрубов и брёвен⁵⁹.

Гораздо сложнее было строить укрепления и землянки русским, так как недостаток леса и каменистый грунт препятствовали этому. К тому же командование Дунайской армии почти не заботилось о материальном обеспечении защитников Шипки. По докладу генерала Дмитровского, приехавшего 27 сентября (9 октября) в ставку от Радецкого, на Шипке создалось «положение незавидное: тёплой одежды нет, шаровары в лохмотьях, сапоги разлезлись. Землянок на скалах строить нельзя. Попытки были, но привели лишь к тому, что несколько землянок обрушилось и заживо похоронило одного офицера и несколько нижних чинов. Все мёрзнут и почти поголовно хворают: совсем здоровые — редкость»⁶⁰.

Русские солдаты приспособились даже к этим условиям военной жизни на Шипке. Были построены плохонькие окопы и землянки. Даже командирская землянка — «это конура, выбитая в камне, сверху была покрыта щепнем и землёю, наваленною на тонкие жерди, — писал один шипкинец. — Казалось, что она не только удара двухпудовой бомбы, но даже и лишней лопаты не могла бы выдержать. Не только от ядер, но даже и от дождя она не защищала»⁶¹.

Положение шипкинского гарнизона стало ещё более тяжёлым холодной и дождливой осенью и особенно зимой. Стратегическое значение обороны Шипки оставалось прежним, и особенно важно было поэтому заблаговременно сделать всё, чтобы обеспечить шипкинцев.

Главное командование русской армии не сделало этого. В конце августа на Шипку приехал начальник штаба Дунайской армии Непокойчицкий. Ни в чём не разобравшись, не дав никаких указаний, он уехал обратно в ставку. Так же безразлично относился к Шипке полевой

⁵⁷ Г. Киснемский. Шипкинский перевал. «Артиллерийский журнал» № 2, 1880 г., стр. 179.

⁵⁸ Иончо Митев. Записки по нова и най-нова политическа история на българския народ. София. 1947, стр. 62.

⁵⁹ В. Н. Перов. Месяц на горе св. Николая. «Разведчик» № 166, 1893, стр. 1018.

⁶⁰ М. А. Газенкамф. Мой дневник 1877—1878 гг., стр. 144.

⁶¹ В. Дачевич. Несколько дней на горе св. Николая. «Военный сборник» № 7, 1878, стр. 135.

штаб и в дальнейшие месяцы войны. Ставка попрежнему интересовалась только Плевной и Руцукским отрядом. Осенью, чтобы спасти население Придунайской Болгарии и избежать находившиеся в ней русские войска от удара с тыла, героям Шипки пришлось бороться не только с турками, но и с ещё более грозным противником — силами природы.

К концу ноября среди шипкинского гарнизона «болезненность постепенно увеличивалась: нижние чины начали терять аппетит; постоянно мокрая одежда расслабляла людей; почти все страдали изнурительным поносом и многие кровавым. Заболевших на позициях невозможно было отвезти вследствие глубокой грязи и совершенно испортившейся дороги, а потому больные отправлялись ко 2-му перевязочному пункту... падали на дороге и многие вовсе не доходили до околотка, умирая на дороге»⁶².

В особенно тяжёлых условиях оказалась 24-я пехотная дивизия, прибывшая на Шипку в октябре. Ею командовал тупой, жестокий и трусливый генерал немец Гершельман. Он требовал, чтобы в снегах балканских вершин его солдаты одевались «щегольски», как в мирное время в Петергофе и Ораниенбауме. В результате его бездарного командования в трёх полках этой дивизии за два месяца было убито и ранено 196 чел., заболело же 5 166, из них 3 474 оказалось обмороженных⁶³. Кстати сказать, Гершельман решил для себя лично иначе проблему фронтовой жизни: пробыв на Шипке только восемь дней, он убрался с гор в Габрово, откуда и командовал дивизией⁶⁴.

Несмотря на всё ухудшавшееся положение шипкинцев, штаб Дунайской армии попрежнему не оказывал им сколько-нибудь существенной помощи. Шипка была им забыта.

К концу 1877 г. в армии начала чувствоваться перемена общего направления руководства. Правящие круги России были чрезвычайно напуганы затяжкой войны. Тревога за свою судьбу ярко выражена в письмах виднейшего столпа реакции Победоносцева к его бывшему воспитаннику, будущему императору Александру III. В письме от 20 сентября (2 октября) 1877 г. говорится: «Мы ничего не знаем, и тревожное наше настроение растёт не по дням, а по часам...». «Не можете себе представить, — пишет он 3(15) октября, — до какой степени здесь все, от мала до велика, говорят и судят о делах и о лицах: нет швейцара и дворника, кто бы не судил и не осуждал и не волновался. В этих рядах гораздо больше волнения, нежели наверху, где чиновные люди попрежнему подписывают свои бумаги и получают свои деньги»⁶⁵.

О подобных же настроениях рассказывал приехавший из Петербурга в ставку в начале декабря полковник Кладищев. Он говорил, что великого князя Николая Николаевича там «громко и резко бранят, не стесняясь... Из среды высшего общества пущена в ход злобная острота: нынешняя война — неудачный пикник дома Романовых»⁶⁶.

Аналогичные факты отмечал 24 сентября (6 октября) в своём дневнике и Милютин: «Войска не падают духом, однако слышится ропот на начальство. В России же этот ропот принимает характер общего неудовольствия; громко порицают и начальство армии и самого государя. Не скрывают негодования на то, что должности в армии раздаются великим князьям и принцам; как будто вся кампания ведётся для того только, чтобы доставить случай членам царского дома украситься геор-

⁶² Два зимних месяца на Шипке. «Военный сборник» № 11, 1878, стр. 122.

⁶³ Сборник материалов по истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг., вып. 6-й, стр. 128.

⁶⁴ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. СПб. 1898, вып. 6-й, стр. 94.

⁶⁵ Письма Победоносцева к Александру III. М. 1925. Т. 1, стр. 73, 81.

⁶⁶ М. А. Газенкам пф. Мой дневник 1877—1878 гг., стр. 185.

гиевскими крестами»⁶⁷. Всё это говорило о росте революционной ситуации в России.

Осенью 1877 г., когда с полной очевидностью определилась явная затяжка войны и сделалось более реальным вступление в войну на стороне Турции Англии и Австро-Венгрии, царское правительство, ставка и штаб Дунайской армии стали стремиться к скорейшему окончанию войны. Обстановка вынудила Главное командование осуществить ряд преобразований. Были уволены престарелые, бездарные генералы, вроде Гана и Шаховского. На их место были выдвинуты представители передовых течений русской армии, с предложениями которых верхи начали, наконец, считаться. Несмотря на явно выраженные недовольство со стороны аристократического генералитета, гвардейские дивизии были подчинены Гурко, который получил ответственное задание — обеспечить блокаду Плевны. Ведущее положение заняли в это время на Балканах Скобелев и на Кавказе Обручев. Даже эти немногие полумеры улучшили обстановку на фронте. 28 ноября (10 декабря) в Плевне капитулировал Осман-паша, в результате чего освободилось несколько русско-румынских корпусов, часть которых можно было использовать для спасения шипкинского гарнизона.

Предстояло решить сложную задачу — выработать стратегический план скорейшего окончания войны. Форсирование Балкан зимой было настолько трудным делом, что даже и для передовых русских генералов казалось рискованным. Ввиду плохого санитарного обеспечения различные болезни буквально косили русскую армию. Обстановка требовала того, чтобы в кратчайший срок турки были отбиты от Балкан. После этого можно было перейти в решающее наступление на Константинополь.

Под давлением Милютина, Гурко, Скобелева и других передовых военных деятелей был выработан смелый план перехода через Балканы: на западе на Софию — отрядом Гурко, в центре, в районе Шипки, — войсками Радецкого и через Траянов перевал — отрядом Карцова. Смелость этого плана вызвала протест со стороны ряда генералов, как Радецкий и Карцов. В первую очередь Радецкий, который сам выдвигал подобный план в августе 1877 г., теперь решительно возражал против его реализации в зимних условиях.

В письме к Непокойчицкому Карцов писал, что он не может «подвергнуть ту часть, которая ему вверена, гибели в непроходимых горах, покрытых теперь снегом выше аршина и где мороз достигнул уже 8°»⁶⁸.

Возражения этих генералов, не говоря уже о трусливых реакционерах, вроде Левицкого и Масальского, были очень активны, но они не имели успеха. Условия погоды требовали немедленного наступления. На Шипке начались морозы и метели, изнурявшие героев Шипки.

В воспоминаниях одного из шипкинцев говорится, что метель, переходящая в бурю, продолжалась с 5 (17) по 11 (23) декабря, с 14 (26) по по 17 (29) декабря она вновь возобновилась, перейдя в ночь на 17 (29) в снежный ураган. «Войсковые части таяли. Полки обращались в батальоны, батальоны в роты. Горная батарея лишилась всей своей прислуги до одного человека. К 25 декабря еще до урагана в 6 полках, занимавших Шипку, было больных 90 офицеров и 8 968 нижних чинов... Тысячи рук и ног были отрезаны в Габрове, как более негодные к употреблению»⁶⁹.

Знаменитая картина В. В. Верещагина «На Шипке всё спокойно», которая была запрещена правительством для демонстрирования, исключительно ярко показывает жизнь шипкинского гарнизона.

⁶⁷ Отдел рукописей Государственной библиотеки имени Ленина. Архив Д. А. Милютина. Дневник 1877 г., л. 249.

⁶⁸ Сборник материалов по истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове, вып. 6-й, стр. 55.

⁶⁹ Л. Н. Соболев. Последний бой за Шипку. «Русская старина», 1889 г., № 5, стр. 418.

Положение турецких войск было также неудовлетворительно. Они «чувствовали очень хорошо свое трудное положение, но надеялись, что зима и Балканы задержат русских, пока они смогут образовать новый центр сопротивления южнее Балкан. Для этой цели они начали концентрировать значительные силы, взятые отовсюду в районе Филиппополя и Базарджика под общим командованием Сулейман-паши». В новый район сосредоточения через Варну и Константинополь были перебросены с восточного фронта 30—37 тыс...⁷⁰.

Для освобождения из осады шипкинцев и форсирования Балкан в распоряжение Радецкого было выделено 45 тыс. чел. при 86 орудиях, которые делились на три колонны. Группа Скобелева (15,5 тыс. при 14 орудиях) должна была, пройдя через Имитлийский перевал западнее Шипки, атаковать противника с запада; левая колонна Святополк-Мирского (19 тыс. при 24 орудиях) — спуститься через Травненский перевал в долину Тунджи и напасть на Шейновский лагерь с востока. Центральная колонна Радецкого (10 тыс. чел., 48 орудий) должна была лобовой атакой поддержать обходящих, когда те вступят в бой. В это время командующий группой турецких войск вокруг Шипкинского перевала Вессель-паша, получив из Константинополя запрещение отступать от перевала, «спустил с него часть своих войск и решил обороняться в укрепленном лагере у Шейнова»⁷¹, находившемся непосредственно под перевалом и заперавшем его с юга.

Разработанный русским командованием план отличался большой смелостью и противоречил традициям, установившимся в военном искусстве в середине XIX века. Обход, как тактическая форма боя, применялся тогда очень редко, лишь в очень выгодной обстановке. Австро-прусская 1866 г. и франко-прусская 1870—1871 гг. войны не внесли в этом отношении в военное искусство почти ничего нового, за исключением Седана. В войне 1877—1878 гг. было немало случаев применения русскими войсками обхода и охвата, проводившихся даже и в чрезвычайно трудных условиях.

Достигнутая в октябре 1877 г. по плану талантливого генерала Обручева блестящая победа под Аладжей показала большое значение смелого обходного марша колонны Лазарева в тыл войскам Мухтар-паши. Без этого обходного удара турецкие войска, несомненно, избежали бы катастрофы, которую они претерпели при Аладже.

План Шипкинской операции предусматривал решение более сложной задачи по сравнению с той, которая стояла перед Обручевым и Лазаревым под Аладжей. Наиболее сложным было достижение одновременности удара с двух сторон после преодоления колоннами двух перевалов, различных по своим географическим условиям.

Путь, по которому предстояло следовать отряду Скобелева, равнялся 18 км, а путь отряда Мирского — 48 км, но зато «общая крутизна подъема пути первой колонны в 3 раза, а крутизна спуска в 2,5 раза превосходили крутизну подъема и спуска левой колонны; если же принять во внимание слишком 100-саженный обрыв в трех верстах от Имитли, то разница в общем характере профилей перевалов будет еще заметней»⁷².

Кроме этого войска Скобелева частично проходили в зоне возможного обстрела турецких войск, через которую они продвигались ночью. Когда же русские войска утром после ночного привала оказались на виду турецких отрядов, турки открыли огонь. Но вследствие дальности дистанции огонь не достигал цели⁷³. Спуск, по которому двигался отряд Скобе-

⁷⁰ «По стъпките на освободителете». София. 1947, стр. 106.

⁷¹ Там же, стр. 114.

⁷² Ф. И о з е ф о в и ч. По поводу мемуаров графа Фейля в кампании 1877—1878 гг. за Дунаем. 1895. Варшава, стр. 53.

⁷³ В. В. В е р е щ а г и н. На войне в Азии и Европе. М. 1898, стр. 179.

лева, был очень крутой. На преодоление его конница потеряла много времени, и в Шипка-Шейновском бою Скобелев в результате этого располагал лишь двумя полками донских казаков. Остальная кавалерия спустилась в долину только после окончания боя.

Таким образом, условия перехода войск левой и правой колонн можно было считать приблизительно равными по трудности, но на конечный успех действий колонн повлиял ещё другой фактор. Правой колонной командовал Скобелев, только что выдвинувшийся в ряде боёв и показавший себя способным генералом. Левую же колонну возглавлял князь Святополк-Мирский, попавший на ответственный боевой пост лишь благодаря своему аристократическому происхождению. Яркую характеристику дал ему Газенкампф. Он писал, что Святополк-Мирский «ведет себя странно, вслух ропщет, предрекает неудачу и заранее винит в ней всех, кроме себя. Нижние чины его дивизии со своей стороны сомневаются в своем начальнике. Между ними сложилось убеждение, что князь — несчастливый: куда ни придет, несчастье случается»⁷⁴.

Реакционность и неспособность руководить боевыми действиями в современных ему условиях проявились у Мирского и в походе через горы и тогда, когда его колонна спустилась с гор.

В первом же бою стало ясно, что печальный опыт Плевны прошёл мимо Святополк-Мирского. Он не пожелал учитывать силу действия скорострельного и дальнбойного оружия на открытой местности. Спустившись с гор и не имея никаких сведений о местонахождении и действиях других колонн, Мирский без всякой подготовки приказал атаковать днём 27 декабря (8 января) турецкие окопы у Хаскиоя. Перед боем он отдал «категорическое приказание итти вперед безостановочно, без выстрела и, сблизившись с противником, перейти в штыки и овладеть укреплениями турок»⁷⁵. Это указание было выполнено. Стрелковая бригада «без выстрела» почти 3 км шла под огнём к передовым окопам противника и ценою громадных потерь выбила оттуда турок. Дальнейшее движение к Шейновскому лагерю было невозможно, так как стрелковая бригада была обескровлена, а основные свои силы Мирский боялся бросить в атаку, опасаясь удара турок с тыла, со стороны Казанлыка и не зная сил турок на главной оборонительной позиции. Первый день боя предвещал повторение неудачного опыта атаки Гривицких редутов под Плевной.

В тот день Радецкий на спуске от Шипкинского перевала не проводил никаких активных действий, так как ничего не знал об обстановке, слагавшейся в долине.

В то время на правом фланге колонна Скобелева с большим трудом преодолевала снега, крутые подъёмы и спуски Имитлийского перевала. Успех перехода русских войск в значительной степени был обеспечен подготовительными мерами, проведёнными командованием правой колонны. Здесь «все было предусмотрено: у всех солдат были набрюшники и на ногах просаленные портянки; у каждого был запас вареной говядины, сухарей и чаю. Кроме того во избежание замораживания и отмораживания приказано было солдатам наблюдать друг за другом»⁷⁶.

Трудности зимнего марша в горах по Имитлийскому перевалу были очень велики. Колонне пришлось пройти ночью участок дороги длиной около 3 км по карнизу шириной 25—30 метров. Этот карниз «был шириною не более 10 сажен. Справа от карниза,— пишет участник перехода,— скала, слева — пропасть, да такая, что и размеры-то ее трудно себе представить. Карниз имел наклон к пропасти градусов 20. Вчера

⁷⁴ М. А. Газенкампф. Мой дневник 1877—1878 гг., стр. 274.

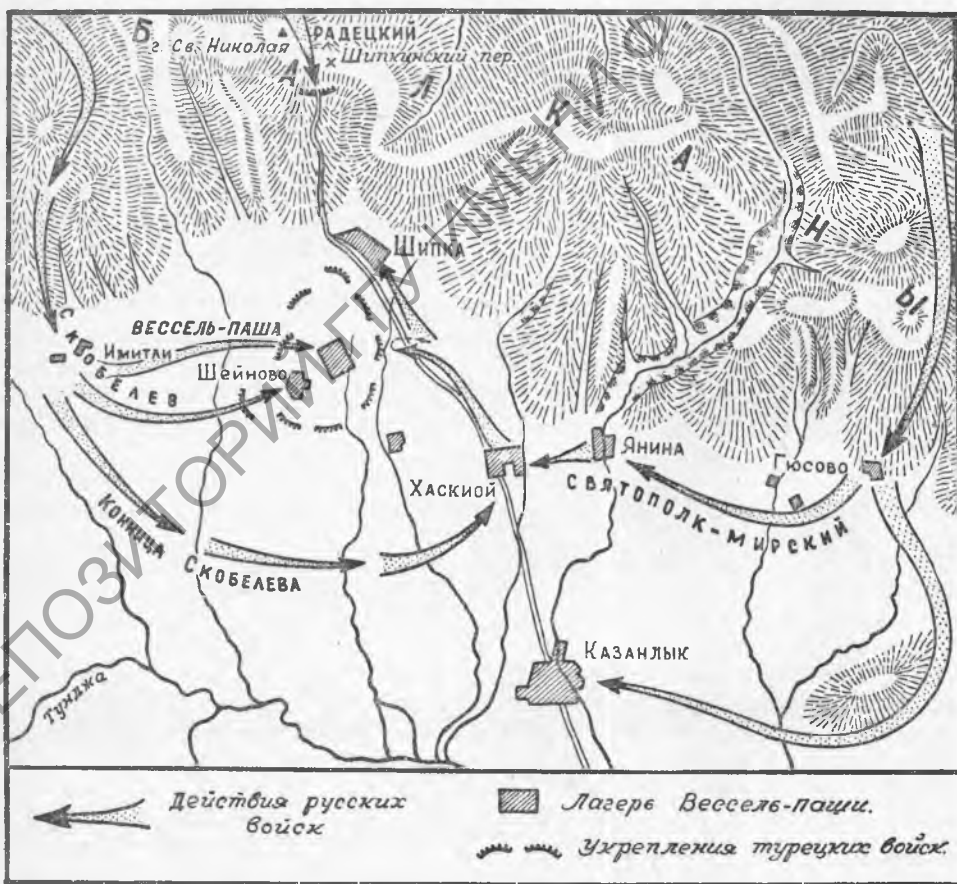
⁷⁵ Л. Н. Соболев. Последний бой за Шипку. «Русская старина», 1889. № 5, стр. 427.

⁷⁶ В. В. Верещагин. Воспоминания художника В. В. Верещагина. «Русская старина», 1889 г. № 3, стр. 593.

днем было тепло и снег на солнце подтаял, а ночью его сковало морозом в плотную корочку, которая не продавливалась под ногою и представляла скользкую поверхность. Двигаться по ней было очень трудно»⁷⁷.

Вследствие этих трудностей из отряда Скобелева к назначенному сроку — 27 декабря (8 января) — перешло горы лишь 4 500 пехотинцев, 500 кавалеристов и 8 горных орудий.

Располагая столь малыми силами, Скобелев хотя и слышал стрельбу колонны Мирского, но отказался от наступления и стал ждать прихода остальных своих частей, задержавшихся в горах. Вряд ли можно обвинить Скобелева в том, что он не поддержал сразу наступление Мирского. Численность его войск была столь мала, что не смогла бы сыграть в бою сколько-нибудь существенную роль. Слабый же удар с запада позволил бы Вессель-паше уйти из угрожавшего ему окружения. Местность, по которой предстояло наступать полкам Скобелева, была неблагоприятна для атакующих. Она представляла собой «одну сплошную обширную равнину, перерезанную в нескольких направлениях неглубокими, удобнoproходимыми оврагами и усеянную мелкими рощами и отдель-

Шипка-Шейновское сражение

⁷⁷ В. Имшенецкий. Воспоминание о переходе Скобелева через Балканы. Сборник военных рассказов, составленных офицерами, участниками войны 1877—1878 гг. Петербург. 1879. Т. III, стр. 540.

ными группами деревьев»⁷⁸. Наступление по такой местности против хорошо укрепившегося противника могло привести к неудачам Плевны.

Скобелев правильно поступил, применив новую тактику. В первую линию атакующих частей он поставил 9-й и 11-й стрелковые батальоны и сводный батальон 63-го Углицкого полка, вооружённые дальнобойными винтовками Бердана и Мартини, а в качестве поддержки передних подразделений — 3-ю бригаду болгарского ополчения.

Наступающие части получили задачу, которая до этого времени никогда не ставилась атакующими: огнём винтовок и 8 горных орудий подавить огонь обороняющихся.

Вторую линию наступающих должны были составить остальные батальоны Углицкого полка и две болгарские дружины. Общий резерв отряда составляли три полка 16-й пехотной дивизии, которые к началу боя только частично спустились с гор. Можно было, однако, рассчитывать в случае надобности ввести большую их часть в общую атаку.

Два казачьих полка были направлены на правый фланг с задачей отрезать путь туркам в случае их попыток уйти из Шейнова.

Повторяя свой опыт наступления в третьей Плевне, Скобелев оставлял таким образом сильный резерв, предусматривая наращивание удара в ходе наступления. Это было новинкой в тактике того времени. Если в бою под Ловчей Скобелев оставил в резерве только один батальон Шуйского полка, то это было сделано им для того, чтобы «иметь возможно большие силы для первого удара»⁷⁹. Этот удар должен был решить исход боя. Здесь же, на Шейновской равнине, нельзя было нанести противнику поражение с одного удара и нужен был сильный резерв, включавший в себя половину отряда.

Наступление правой колонны началось в 10 часов утра 9 января при сильном тумане, скрывавшем наступающие части. По мере приближения к Шейнову туман стал рассеиваться; увеличивались и потери от огня турок. Чтобы снизить эффективность стрельбы противника, Скобелев впервые в широком масштабе применил наступление войск перебежками, цепями и расчлнёнными боевыми порядками, поддерживаемыми огнём артиллерии и винтовок. Это тоже было новым для боевой обстановки и до Скобелева применялось кое-где в русских войсках лишь на тактических учениях мирного времени. «Уже с дистанции 900—1 200 шагов,— говорит в своих воспоминаниях Куропаткин,— наступление наших передовых частей продолжалось перебежками..., а открытый стрелками живой огонь оказал свое действие: артиллерийский огонь противника заметно утих, ослабился и его огонь ружейный»⁸⁰.

Используя такой способ наступления, передовые части овладели несколькими окопами турок. Но далее идти они не смогли ввиду сильного огня противника. На помощь им двинули Углицкий полк и две болгарские дружины, которые также перебежками наступали на Шейново, в то время как передовая цепь останавливалась и открывала огонь. Догнав авангард, задняя цепь останавливалась, открывала огонь, и вперёд шли те, кто только что стрелял. В результате этого метода противник находился под непрерывным огнём наступающих русских войск и не имел возможности вести прицельный огонь.

Наконец дружно действовавшим стрелковым батальонам, болгарским дружинам и Углицкому полку удалось полностью овладеть первой линией обороны Шейновского лагеря. Чтобы снова усилить их наступательный натиск, Скобелев ввёл в бой Казанский и частично Владимир-

⁷⁸ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. СПб. 1898, вып. 7-й, стр. 22.

⁷⁹ Н. В. Болдырев. Атака укрепленных позиций, стр. 32.

⁸⁰ А. Н. Куропаткин. Переход через Балканы отряда генерала Скобелева. «Военный сборник», 1889, № 10, стр. 211—212.

ский пехотные полки, составлявшие резерв войск боевой линии. В это время кавалерия обеих колонн соединилась южнее Шейнова, отрезав туркам путь для отступления. Эти новые удары заставили весь корпус Вессель-паши, части, находившиеся на горах вокруг Шипкинского перевала и в самом Шейновском лагере, капитулировать.

Шипка-Шейновское сражение закончилось, таким образом, победой русских. Почти одновременно с наступлением правой колонны от Имитли на Шейново начала атаку и центральная группа Радецкого. Эта атака, ведшаяся прямо в лоб без использования какого-либо манёвра и проходившая в крайне неблагоприятных для наступающих условиях местности (узкий проход — так называемый «жёлоб» между двумя хребтами), не принесла прямого успеха и стоила больших потерь группе Радецкого.

Победа у Шипка-Шейнова не только освободила из осады шипкинцев. Она способствовала закреплению и развитию успехов отряда Гурко, форсировавшего только что Западные Балканы, и явилась решающим боевым событием в ходе всей войны. После капитуляции Вессель-паши для русской армии был открыт прямой путь через Адрианополь на Константинополь. Война вступала в завершающую фазу.

Если оборона Шипки спасла от разорения и гибели население Северной Болгарии и избавила от грозного удара с тыла действовавшие вблизи Дуная русские войска, то вторая Шипка — Шипка наступления — ставила совершенно реальную задачу освобождения Южной Болгарии от чужеземных захватчиков и окончания войны, поскольку туркам почти нечего было противопоставить победителям.

В трудной борьбе против турецких колонизаторов героизм русских и болгарских солдат, военное искусство передовой части русского генералитета и офицерства одержали полную победу, стоившую им многих потерь.

Это особенно ярко проявилось в борьбе за Шипку. Именно на Шипке русские войска отчётливо поняли цели войны — освобождение болгарского народа от турецкого ига. Именно здесь был прочно, кровью закреплён братский союз русского и болгарского народов. Русские солдаты и болгарские дружинники в этой борьбе героически сражались рядом против общего врага. Происшедшая 75 лет тому назад война на Балканах была крупным историческим событием, и самыми интересными с точки зрения военного анализа этой тяжёлой борьбы были боевые события, разыгравшиеся у Шипки в центральной части Старой Планины.

Советский и болгарский народы свято хранят память об этих событиях. Указом Президиума Народного собрания Болгарии гора Шипка переименована в вершину имени Столетова, руководителя Шипкинской обороны. «Совместно пролитая под Шипкой кровь русских и болгар сплотила два братских народа в крепкую, нерушимую дружбу»⁸¹, — пишет в передовой статье болгарская газета «Труд» в связи с 75-летним юбилеем героических августовских дней на этом перевале.

Свергнув в 1878 г. раз и навсегда турецкое иго, болгарский народ и теперь не забывает о захватнических планах американских империалистов, подстрекающих турецких реакционеров на путь агрессии против свободной Болгарии. Об их планах говорил на XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза тов. Булганин. Он указал, что «...нынешнее правительство Турции, потеряв всякое чувство ответственности за судьбу своего народа и превратившись в придаток американо-английского блока, тащит свою страну на путь опасных авантур»⁸².

⁸¹ Цит. по «Правде», 25 августа 1952 года.

⁸² Н. Булганин. Речь на XIX съезде ВКП(б). Госполитиздат. 1952, стр. 18.